УДК: 316.344; 316.485.22 DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-2-13-19

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

***Кудрявцев В.А.*[1]**

В статье констатируется ценностный кризис современного социологического знания. Предпринята попытка историко-философского обоснования причин данного состояния социологической науки. Ключевую из них автор усматривает в отрыве позитивистского подхода в общественных науках от философских начал. Аксиологический кризис современного мира находит своё отражение во всех сферах жизни человека, что напрямую касается науки об обществе. Отрыв от религиозных, метафизических основ бытия неминуемо привёл социологическую теорию к чисто имманентному восприятию процесса развития человечества. Историческая подмена ценностей привела к отказу от религии, веры в Бога, с заменой всего этого верой в человеческий прогресс.

Ключевые слова: ценности, аксиологический кризис, релятивизм, плюрализм, историософия, позитивизм, философия, религия, прагматизм, демократия, прогресс.

AXIOLOGICAL CRISIS IN SOCIAL SCIENCE

KUDRIAVTSEV V. A. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of History and Theory of Sociology, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation, Moscow), e-mail: vladikudr@mail.ru

The article raises the issue of the decline of sociological knowledge in the modern world. The historico-philosophical substantiation of this process is given, the reasons for which the author sees in the separation of positive science from the philosophical principles that historically lay in its foundation. The axiological crisis of the modern world is reflected in all spheres of human life, which directly relates to the science of society. Separation from the religious, metaphysical foundations of life inevitably led the sociological theory to a purely immanent perception of the process of human development. The historical substitution of values led to the rejection of religion, faith in God, with the replacement of all this by faith in human progress. The author makes an attempt to identify acceptable ways to overcome this crisis, which is pathological in nature.

Keywords: values, axiological crisis, relativism, pluralism, historiosophy, positivism, philosophy, religion, pragmatism, democracy, progress.

Не секрет, что современный мир с его ценностным релятивизмом давно лишился традиционных, подлинно смысловых, метафизических жизненных ориентиров. Мало кто из нынешних мыслителей стремится отыскать ту самую, являющуюся жизненной целью философов Древней Эллады, абсолютную истину, «идею Блага»: наука и практика давно носят прикладной характер и довольствуются относительными результатами познания о мире. Исключением не стали и приверженцы позитивной науки, которая по задумке своего основателя опиралась только на явления сознания и должна была на этих зыбких основаниях стать венцом человеческого знания о мире. Однако цель и роль социологии, давно отбросившей универсализм Конта, на сегодняшний день куда скромнее.

Кудрявцев Владимир Александрович – кандидат философских наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории и теории социологии, адрес: 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, e-mail: vladikudr@mail.ru

Для верной постановки главных практических и теоретических задач, стоящих сегодня перед социологической наукой, сначала, на наш взгляд, следовало бы честно ответить на два взаимосвязанных вопроса. Первый можно сформулировать так: «В силу очевидного факта вторичности акта познания по отношению к познаваемой посредством этого акта жизни (а значит, и онтологической зависимости самого акта познания (гносеологии) от изучаемых им жизненных фактов), не попадает ли социология как секулярный, причем достаточно поздний, тип новоевропейского мышления в разряд общественных теорий, в конечном итоге рефлексирующих, формирующих, оправдывающих и обосновывающих главные ценности и реалии жизни новоевропейской цивилизации?». Не тащит ли она общество «по пути прогресса» куда-то не туда, скользя вместе с этим обществом и его шкалой нынешних, все больше духовно оскудевающих, ценностей вниз, по наклонной плоскости духа? Или, может быть, она, напротив, выступая социальной рефлексией происходящего в мире, пытается выявить глобальные изъяны цивилизации и хоть как-то затормозить обозначившиеся процессы моральной деградации? Ведь фактически во всех современных социологических концепциях наличествуют пессимистическая тональность и скепсис, идущие еще от экзистенциализма, закономерно переросшего ныне в постмодернизм. Всё это, в сущности, есть не более чем пассивное отражение, фиксация и описание нынешней стагнации современной «сенситивной», по П. Сорокину, культуры. А это означает, что социология как законное и, пожалуй, последнее дитя эпохи позднего гуманизма изначально двигалась и продолжает двигаться в русле светских, позитивных форм мышления, лишенных подлинных, христианских мотивов, породивших в свое время европейскую цивилизацию. Изначальный антирелигиозный социологический оптимизм в достижении «справедливости» поражал своим замыслом и размахом: по задумке отцов-основателей социологии, в частности Конта[1], она должна была взять на себя, в условиях кризиса христианства, духовно скрепляющую функцию – что-то вроде «папизма в Средние века». Папизма, но уже с рукотворной позитивной религией «Человечества», т.е. религией без Бога, а только с одним превосходящим человека, находящимся как бы над ним «Великим Существом», «Le Grand-Etre» с заложенной в Него светской идеей справедливости и солидарности. Современная социология, пройдя через плюрализацию своего предмета, уже не столь оптимистична: она просто констатирует, обосновывает, а значит, и косвенно соглашается, оправдывает ныне происходящее, фиксируя свою вторичность и своё бессилие перед ним[2].

Формулировку второго, историософского вопроса, напрямую связанного с первым, можно представить так: «Не является ли «Прогресс» как общепринятая и непререкаемая секулярная религия, обслуживаемая в том числе и социологией, тупиковой ветвью европейского духа, ветвью, от которой и произошли в свое время «плоды просвещения», одним из которых и стал социологизм как особый тип секулярно-прогрессивного мировоззрения?». Ответ на первый вопрос отчасти дан уже самими классиками социологизма. Поздний Конт (а вслед за ним и Дюркгейм), постепенно отходя от чисто позитивистской теоретической установки, в поздний период своего творчества обратились к моральной тематике, пусть и своеобразной, полусветской, но все же религиозной по постановке вопроса и своим корням, по своей форме и по социальным целям, морально ориентированным. А М. Вебер, признавая, что только идеи воздействуют на «универсально-исторический процесс», с видимым сожалением констатирует: «Сегодня мы оказались перед лицом общего вывода о том, что идеи, под знаком которых развивалась вся предшествующая история, пришли, во всяком случае на Западе, к радикальному самоотрицанию. В разволшебствлённом мире уже нет

[1] Конт О. Курс позитивной философии. Антология мировой философии. Т.1-6. – М., 1971.

[2] Например, наилиберальнейший Ж. Бодрийяр, фиксируя смысловую бесцельность происходящего, рекомендует интеллектуалам так спасаться от отчаяния: «Коль скоро мир движется к бредовому положению вещей, и мы должны смещаться к бредовой точке зрения». Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2006. – С. 5.

места для всемирно-исторических (религиозных) идей. Здесь остаются только одни интересы»[1]. Именно эти, лишенные подлинно духовного измерения, т.е. чисто социальные, плоско-материальные «интересы» во всем их многообразии сегодня по сути и являются предметом исследования разных типов социологий, в том числе и формально аксиологически ориентированных. Налицо подмена «Высшей Ценности» и её излучений в мир целой массой «ценностей», порождаемых одним только социальным интересом. Крайне приземлённая прагматика целей цивилизации просвечивает здесь в полной мере. В целом можно правомерно утверждать, что в самом общем виде социология представляет из себя наукообразно оформленную проекцию многочисленных мотивов и действий – чисто земных, социально материализованных, духовно урезанных, в принципе не ставящих перед собой возвышенно метафизических задач и даже умышленно отсекающих такого рода идеи, установки и цели. Мало что объединяет уже социологов, кроме абстрактного «общества» как предмета их исследовательского интереса. Уже из одного этого факта становится понятным, почему разные социологические школы, начиная с исследования и описания калейдоскопа социальной реальности, исходят из разных подходов к изучению и часто приходят к совершенно разным трактовкам общества. Общей «Истины», сохранявшей единство цели исследователей, больше нет, и плюрализм становится полноправным и единственным хозяином телоса социологии.

Здесь в контексте плюрализма и релятивизма социологических подходов перед нашим взором вновь открывается пресловутая философская проблема «субъективности», породившая самые разные трактовки социальной реальности. В ней нет выхода к идеям мира, нет соприкосновения с трансцендентной реальностью, с запредельного миру соловьевским «Всеединством»[2], содержащим в себе в виде комплекса идей всё его развитие, включая начало и конец истории, цивилизации, каждого отдельного народа, нации, этноса, человека. Современная социология, таким образом, в принципе не историософична и существует пока согласно субъективным мнениям авторов её различных школ и направлений.

В свою очередь, проблема субъективности вкупе с отмечаемым многими исследователями усложнением и даже исчезновением предмета социологии играет ключевую роль в выдвижении самых разных социальных гипотез и взглядов на общество. Этот несомненный факт общего состояния социологии еще два десятка лет тому назад отметил Э. Луард в работе «Международное общество»[3]: если судить по множеству теоретико-социологических подходов, получается, по Луарду, что т.н. «западное общество» – это вечно ускользающий, постоянно, как он выражается, «мультиплицирующийся» феномен. Картина получается такая, что множество социологических подходов, вполне произвольно накладываясь на вечно изменяющийся феномен исследования, сами создают свой объект, порождая различные трактовки социального среза бытия. Несомненно, что все эти теории в чем-то правы, их нельзя игнорировать, к ним нужно прислушаться. Но именно это «в чем-то» делает в условиях господства в исследовательских умах субъективизма и плюрализма при фактическом отсутствии предмета социологического знания большинство разработок оригинальными и, может быть, даже рабочими, но все же слишком плоскими и ограниченными. К тому же, в отличие от мощных философских и социологических систем Нового времени, все эти, как выражался Вл. Соловьёв, «односторонности» сегодня даже не претендуют на универсальность, как на то в своё время претендовали эмпиризм и рационализм, поскольку отвергают и религию, и метафизику, а стало быть, отрицают и сколько-нибудь универсальные связи и устойчивые, значимые, абсолютные ценности бытия в их традиционном философско-христианском значении.

[1] Вебер М. Избранное. Образ общества. – М.,1994. – С.53.
[2] Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1990.
[3] Luard E.International Society.Basingstoke and London: Macmillan, 1990.

Ныне становится все более ясно, что разорвать порочный круг субъективности и вести плодотворные поиски объективности и значимости социологического знания можно только с переходом к своеобразному социологическому, философскому фидеизму как вере в Высшую Идею, в иерархию ценностных идей, в их проникновение в социум через конкретных людей. Второй вектор нормального социологического подхода – выход исследователя в социокультурный контекст, как он традиционно сложился и пока существует. При этом сам этот контекст невозможно исследовать вне рамок теории ценностей, причем в их высшем, а не подручно-инструментальном проявлении. Речь здесь идет о контексте как о сфере, по-кантовски пытающейся соединить теоретический и практический разум, этику и социальную гносеологию воедино. Ценность и норма – это и объективно присутствующая в бытии реальность, и факт морального сознания личности как отражения этой ценностно окрашенной реальности, и ключевой, основополагающий принцип культуры и общества, о чем нам хорошо известно хотя бы из трудов уже русских социологов-полупозитивистов субъективной школы и неокантианцев с их нормативной аксиологией. Субъективизм чисто светский, закономерно и причудливо переросший ныне в постмодерн, сторонится глобальных оценок, пронизывает ныне всю сферу знания и ставит себе эту свою «безоценочность» в заслугу. Суть этой позиции как раз и состоит в сознательном или неосознанном зауживании исследовательской позиции с умышленным отсечением всей области ценностей, которые являются главными конструктами социальной реальности. Здесь налицо концентрация самого внимания исследователя на заведомо усеченный «субъект» с выпячиванием и отстаиванием рациональной, как бы безоценочной, т.е. только гносеологической, способности сознания. Такое умышленное игнорирование исследователем метафизически, априорно заданной человеку оценивающей функции его сознания, всегда проявляющейся при исследовании социальной реальности, есть простое мировоззренческое следствие, произрастающее из столь же ценностно полой, имморальной, меркантильной социальной практики. Естественно, что при такой исследовательской позиции впадение в субъективизм, аксиологический агностицизм и релятивизм неизбежно. Еще неокантианец В. Виндельбанд, защищая общезначимость ценностей и норм, предупреждал: «Релятивизм – это отставка философии и ее смерть. Поэтому она может существовать лишь как учение об общезначимых ценностях»[1]. А что тогда говорить о когда-то отпочковавшейся от философии и теперь вполне автономной, в том числе и от аксиологии, «науке социологии», изначально всячески желавшей высвободиться из-под опеки метафизики, а значит, и вытекающей из неё нормы, ценности? Ведь социология и сегодня не показала желания очиститься от своего сугубо позитивистского пути познания общества. Не сделала ли социология ещё тогда глобальную, хотя и исторически закономерную ошибку, что и задало тон всему последующему развитию социологической мысли? А в нынешних условиях ничем не скованный, современный, свободный от ценностных суждений секуляризованный ум погрузился в сладкий мир релятивизма и плюрализма мнений и вообще не предполагает каких-либо общезначимых ценностей, «плывет» по исследовательскому морю без нравственно-нормативного «руля».

Мы очень давно, с 1701 года, когда Пётр издал указ – «ввести в России учение латинское» – официально и последовательно движемся в кильватере западного стиля мышления со всеми его достижениями, но и заблуждениями и мировоззренческими тупиками. Однако все более очевидным становится тот факт, что западноевропейская культура мышления, в свое время отринув столь влиятельный тогда гегелевский панлогизм и тотальную рациональность, не нашла им противовеса и закономерно перешла в форму релятивизма, ныне скатившегося до уровня крайнего скепсиса и даже иррационализма. «Для современного передового мышления, – констатирует А.Ф. Лосев, – совершенно не существует никаких неподвижных категорий. Все категории текут,

[1] Виндельбанд В. История новой философии. Т. 2. – СПб.,1905. – С. 378.

меняются, и все они находятся в вечном становлении»[1]. За много лет, прошедших с момента написания Лосевым этих строк, ситуация только усугубилась: «Истина» заменена знанием, религиозные универсальные идеи и ценности – чисто секулярными интересами с их приземлёнными смыслами. Круг, кажется, замкнулся: западноевропейская рациональность, выросшая из иррационального, религиозного корня посредством средневекового теологического толкования христианской веры, с одной стороны, и возрождения античной философии – с другой, пройдя стадии номинализма, реализма, объективного и субъективного идеализма, в конечном счете превратилась в крайний субъективизм, соседствующий со скепсисом. Параллельно и фактически одновременно с этим мыслительно-ментальным процессом и европейская культура в целом, пройдя этапы возрождения, христианского гуманизма, реформации, просвещения, критицизма, позитивизма, материализма, в нынешнем постмодерне стремится отрицать разум и логику в их классическом понимании.

Несомненно, что социологизм как поздний тип секулярного мышления диалектически связан с отрицанием традиционной религии и её основанных на вере ценностей и с учреждением и неукоснительным проведением в умы и в жизнь теории прогресса как современной религии человечества. Ныне безоглядная ставка на «Прогресс» с абсолютным главенством его секулярных ценностей, кажется, медленно, но верно выдыхается. Но сама отрицательная инерция следования к смысловому и историческому «ничто», несомненно, сохраняется. Но есть между, кажется, совсем недавним ещё прошлым и эксцентричным настоящим существенная разница в восприятии жизни. Во времена противостояния сверхдержав капиталисты вынужденно поделились с обществом наживой, полученной от ограбления всего остального мира, наживой, возникшей и непомерно возросшей в результате разрешения т.н. «ссудного процента», а попросту говоря, введения ростовщичества как типа жизни, к тому же узаконенного юридическим оформлением легальной тотальной финансовой и прочей спекуляции как базовой ценности капиталистического мира, со временем постепенно затмившей и подменившей собой христианскую мораль. Так глобальный капитал благодаря «холодной войне» и жесткому идеологическому противостоянию между США и СССР вынужденно создал т.н. средний класс как свою опору – довольно широкую социальную и мировоззренческую базу, восприимчивую к либеральным демократическим ценностям, что к тому же подкреплялось сытой, упакованной и преимущественно стабильной жизнью[2]. Но теперь вялотекущий экономический кризис (а вернее, пугающий образ его), способствующий ослаблению и даже разочарованию в атеистических в своей основе демократических ценностях, создает совершенно иную общественно-психологическую атмосферу в развитых капиталистических странах. Это атмосфера чисто светской устремлённости из пугающего настоящего к ещё более пугающему, неведомому, не сулящему ничего хорошего будущему. Вследствие этого остается только идеализировать настоящее, цепляться за него до конца, возводить в абсолют пошатнувшиеся либеральные ценности как идейную базу этого уходящего из-под ног настоящего, чем и занимаются те, кто правит теперь миром, кто привел его к критической точке исторического развития.

Выросший из субъективистской и плюралистической философской установки социологизм чует и рисует страшные картины будущих катастроф и грядущего конца – «конца человека», «конца культуры», «конца истории». Челночное метание человеческого разума от социализма к капитализму ныне вступает, по-моему, в стадию исторической стагнации, инфляции смыслов и ценностей, которыми до сих пор худо или бедно влеклось, подвигалось к динамизму человечество. Наступает период духовного вакуума, интеллектуального ступора и паралича пассионарности.

Многие прозорливые умы теперь утверждают: практика и динамика современной жизни пока-

[1] Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство,1976. – С.181–182.
[2] Сама история показывает нам процесс дехристианизации мышления на Западе в форме атеизации

зывают, что авторитарные теории общества в скором времени будут востребованы и воскрешены в общественном сознании, и борьба за выживание, справедливость и солидарность должна будет получить теоретическое и ценностно-идеологическое оформление. Справедливость, особенно когда её пытаются добиться в жёстких исторических условиях, – это вещь жестокая, требующая, как показывает практика, неисчислимых человеческих жертв и страданий. Так было везде и всегда. Думается поэтому, что мысли Конта, Маркса и их эпигонов опять будут востребованы. Ещё Милль отмечал, что система Конта относится к самым деспотическим учениям, когда-либо выходившим из-под пера одного человека. Сочинения Маркса в ту пору ещё не вошли в силу и в интеллектуальный оборот. Результаты воплощения этих идей мы знаем, как никто в мире. Однако и в сегодняшней России, и в среде западных интеллектуалов и политиков подобные идеи скоро могут воскресить, обещая, конечно, что социализм теперь, после стольких ошибок, обретет наконец «человеческое лицо».

Но и либеральная идеология сопротивляется вовсю. Испугавшись какой-либо цели вообще, современные теории прогресса и вовсе являются всего лишь идеологией отмеченного А.Ф.Лосевым «вечного становления, вечной непрерывности», причем без должной рефлексии подлинности этих целей и сугубо «позитивной» оценки характера общего развития. Еще Бердяев, рассуждая о самой идее демократии, так сказать, демократии в чистом виде, о её бесцельности, так её характеризует: «Демократия остаётся равнодушной к добру и злу. Она терпима, потому что индифферентна, потому что потеряла веру в истину, бессильна избрать истину. … Это есть разрыв прошлого, настоящего и будущего, отрицание вечности, поклонение истребляющему потоку времени»[1]. Демократия – прямое воплощение ценностно полого мышления нашей эпохи, и она же – преддверье постмодернистского распада общества. Опираясь на авторитетную лосевскую констатацию «вечной непрерывности» и бердяевские характеристики идеи демократии и прогресса, уместно задаться вопросом: кто из наших отечественных западников и западных интеллектуалов, подверженных воздействию процесса рационализации в стадии ее кризиса, способен осознать смысл, цель и характер хода цивилизационного процесса, выдвинуть новую, укоренённую в самом общественно-историческом бытии (а не в субъективистских трактовках истории) идею? Кто способен собрать воедино волю распадающегося при демократии на атомы народа? Кто способен обеспечить сохранение страны, культуры, религии? Думается, что только тот, кто будет опираться на подлинную духовную традицию, дающую высшую метафизику целей, ведущую к твердому ценностно-нормативному, иерархически устроенному мышлению, без которого все социологические разработки будут впадать в порочный круг бесчисленных трактовок ускользающего от исследователя социального бытия человека. Ускользать точно так же, как, по мнению С.Н. Булгакова, ускользает от исследовательского взора и «прячется в четвертое измерение» сама социальность как изначальное качество человека. Так и с понятием «ценности»: можно сколько угодно использовать его в исследовательских трудах по социологии, говорить о необходимости введения ценностно окрашенного сознания исследователя в социальную теорию, как угодно трактовать нынешнюю ситуацию «духовного вакуума», но проку от этого не будет ни в науке, ни в культуре, ни в социальной практике. Потому что, рассуждая о ценности, социологи имеют в виду всё, что угодно, только не её идеальность – не её общую укоренённость в Боге, как это было у Макса Шелера. Всё, что угодно, но только не развёрнутую в Боге и восходящую к Богу как Трансцендентному Источнику бытия национальную идею. Всё, что угодно, но только не встроенную в эту национальную идею ответственную, направленную на человека, религиозную по духу и персоналистическую по предмету социальную науку, вернее, целый корпус таких наук.

[1] Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: КАНОН+, 2002. – С. 287.

Библиография/References:

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: КАНОН+, 2002. – 446 с.
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2006. – 260 с.
3. Булгаков С.Н. Русский Путь(Pro et Contra). Т.1(Антология). – СПб.: РХГИ, 2003. – 1000 с.
4. Вебер М. Избранное. Образ общества. – М.,1994. – 704 с.
5. Виндельбанд В. История новой философии. Т. 2. – СПб.,1905. – 512 с.
6. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. Париж.,1960 / Пер. с франц. Гофмана А.Б. в сборнике Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. – М.: Канон+, 1998. – 432 с.
7. Конт О. Курс позитивной философии. Антология мировой философии. Т.1–6. – М., 1971.
8. Лопатин Л. Философское миросозерцание В. С. Соловьёва // Вопросы философии и психологии. – М.: Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1901. – 201 с.
9. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство,1976. – 320 с.
10. Милль Д.С. Огюст Конт и позитивизм (Auguste Comte and Positivism) / Пер.с англ. И. И. Спиридонова. – Изд. 4-е. – СПб.: ЛКИ, 2011. – 176 с.
11. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1990.
12. Luard E.International Society.Basingstoke and London: Macmillan, 1990.

1. Berdiaev, N.A. (2002) Smysl istorii [The meaning of history]. – M.: KANON+. – 446 p. (In Russ.)
2. Bodriiiar, Zh. (2006) Prozrachnost' zla [Transparency of evil]. – M.:Dobrosvet. – 260 p. (In Russ.)
3. Bulgakov, S.N. (2003) Russkii Put'(Pro et Contra) [The Russian Way (Pro et Contra)]. T.1(Antologiia), – SPb.: RKhGI. – 1000 p. (In Russ.)
4. Veber, M. (1994) Izbrannoe. Obraz obshchestva [Favorites. The image of society]. – M. – 704 p. (In Russ.)
5. Vindel'band, V. (1905) Istoriia novoi filosofii [History of the new philosophy]. T.2. SPb. – 512 p. (In Russ.)
6. Diurkgeim, E. (1998) Elementarnye formy religioznoi zhizni. Totemicheskaia sistema v Avtralii. [Elementary forms of religious life. The totemic system in Australia] Parizh.,1960./ Trans. for fr. Gofmana A.B. v sbornike Mistika. Religiia. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniia. Antologiia. / Per. s angl., nem., fr. Sost. i obshch. red. A. N. Krasnikova. – M.: Kanon+. – 432 p. (In Russ.)
7. Kont, O. (1971) Kurs pozitivnoi filosofii. Antologiia mirovoi filosofii [Course of positive philosophy. Anthology of world philosophy]. T.1-6. – M. (In Russ.)
8. Lopatin, L. (1901) Filosofskoe mirosozertsanie V. S. Solov'eva [Philosophical worldview V.S. Solovyov] // Voprosy filosofii i psikhologii. - M.: Tipo-litogr. T-va I. N. Kushnerev i K°. – 201 p. (In Russ.)
9. Losev, A.F. (1976) Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo [The problem of the symbol and realistic art]. – M.: Iskusstvo. – 320 p. (In Russ.)
10. Mill', D. S. (2011) Ogiust Kont i pozitivizm (Auguste Comte and Positivism) / Trans. for engl. I. I. Spiridonova. – Izd. 4-e. – SPb.: LKI. – 176 p. (In Russ.)
11. Solov'ev, V.S. (1990) Sochineniia v 2 T [Works in 2 volumes]. – M.: Mysl'. (In Russ.)